

ПАМЯТЬ | «Священную войну» пели и взрослые, и дети

До глубины души

ИЛЬЯ МОСКОВЕЦ

Накануне Дня Победы в Магнитке шел дождь с мокрым снегом и сильным ветром. Журналисты обрывали телефоны городского управления культуры с вопросом: состоится ли вечером праздничный концерт «Симфония Великой Победы» перед мемориальным комплексом «Тыл–Фронту»? Ответ обнадеживал: мероприятие состоится в любую погоду.

К счастью, за час до концерта дождь прекратился, а из-за облаков выглянуло солнце. У Вечного огня – сцена для хора Дома музыки и театра оперы и балета. Сводным оркестром оперного театра и концертного объединения поочередно дирижируют Эдуард Нам и Сергей Приходько. В «партере» – увы, немногочисленные зрители. Погода сделала свое дело.

Начался концерт со «Священной войны». Все, как один, – и взрослые, и дети – встали. Многие подпевают хору. Необычное и красивое зрелище.

«Здесь птицы не поют», «Поклонимся великим тем годам», «Вновь солдаты идут», «Смулянка», «Романс Женьки», «Огонек», «Темная ночь», «Синенький платочек» – проникновенные песни в исполнении солистов Магнитогорского театра оперы и балета и концертного объединения трогали до глубины души. Поддерживали атмосферу и ведущие.

– В тот год, осенью сорок первого, уральские клены безмятежно хлопали в ладоши, словно приветствуя затянувшееся лето – ясную и в меру теплую пору, – звучат слова Оксаны Дегтяревой и Андрея Бердникова. – Природа никогда так не старалась: все, что могло расти, давало плодов в изобилии. Как будто предвиделись голод, запустение и предлагалось запастись впрок. И надо бы...

Затем лауреат первого литературного конкурса имени Константина Нефедьева Владимир Петренко читает отрывок из своего рассказа «Осенью сорок первого», его сменяют городские поэты Владимир Бартков, Сергей Рыков, Лариса Уточкина и Сергей Медведев. А завершилась литературно-музыкальная «Симфония» традиционной композицией «День Победы», после которой небо озарил красочный десятиминутный фейерверк.

ЛИРИКА

ЗИНАИДА СТРУЧКОВА

День Победы

Сказал однажды ветеран-старик,
Что памятью больна его страна.
Когда умрет

последний фронтовик,

То для него закончится война.

Война идет... Ее не переждешь,

Ведь посредине будничного дня

Он видел сам: глумилась молодежь

У воинского Вечного огня.

Война идет... Она теперь в умах,

Рисующих кресты на обелиске...

...Вся грудь у ветерана в орденах,

А сослуживцы –

в похоронном списке.

Он никогда не говорил о них,

Боясь нарушить их покоя словно.

Но почему в бездушных и глухих

Он, как гранату,

мечет свое слово?

Но почему вокруг незримый враг –

То «перестроечное» кодро?

...Пять лет старик нес

до Берлина флаг!

Но флаг сорвали буднично и подло.

И даже память

(память – как гранит!)

Готовы были вытравить иные.

...Осколок мины ветеран хранит

И памятные письма фронтовые.

Он наливает в День Победы спирт

И пьет его, ничуть не разбавляя.

Еще он жив! Он защищает мир,

Кулак кому-то грозно выставляя...

ПИСЬМА С ФРОНТА

Когда разбили япошек...

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
краевед

Во многих семьях бережно, как святые реликвии, хранятся выцветшие фронтовые письма. Для специалистов эти весточки с фронта – уникальные исторические источники. Они повествуют о войне не сухим языком учебников и монографий, а словами участников и очевидцев событий. Как правило, письма эти небольшого размера. И не всегда на обычной бумаге. Писали на тетрадных листах, использовали бланки радиogramм, обрывки плакатов, старых географических карт...

Братья Золотаревы, уроженцы Калининской области, Иван и Александр, ушли добровольцами на фронт. Уцелел только старший, Иван, отказавшийся от учительской «брони» – он дошел до Берлина.

Вот что писал Иван Золотарев сестре Ольге 8 июня 1945 года: «Сестренка, спасибо за поздравление с Победой. 9-го мая, в три часа пятнадцать минут, когда услышал радио, залез на крышу землянки и выпустил две обоймы патронов из пистолета, приветствуя День счастья!»

А письмо 12 августа 1945 года дополняло: «Важно, что война окончилась. 20–25 лет мы можем жить мирно и работать на себя: ведь япошки капитулировали. Через два-три дня выезжаем на новое место службы к берегу Белого моря, где

берет начало Беломорско-Балтийский канал, и там, видимо, будем зимовать...»

Следующая весточка датирована мартом 1946 года. Капитан Иван Золотарев писал эвакуированной сестре в Среднюю Азию: «Оля, я вернулся из отпуска и побывал в родных краях, в Зубцово. От города, почти полностью разрушенного, до дома шел пешком, не встретил ни домов, ни сараев, овинов даже нет. Гачево, Гнездилово, Щеколдино, Васильки – деревеньки, которых тоже нет. О жилье напоминают лишь груды кирпича да печные трубы. На месте нашего родного дома навалены кучи сена и соломы, через которые просвечивался блеклый огонек, свидетельствующий о том, что там живут. Не сразу нашел вход в эту лачугу, а когда влез в нее, увидел двух старичков: седого, в грязных лохмотьях отца и маленькую щупленькую маму. После «охов» и «ахов» накрыли скромный стол: мама где-то раздобыла бутылку водки. После второй стопки отец расплакался. Они, под немцем, видели больше меня, воюющего на фронте: окопы рыли под пулями и снарядами. Отца фашисты едва не направили на виселицу за то, что кто-то закопал на нашем огороде немецкие вещи. Как они выжили, не знаю: картошки не досыта, овсяный кисель без масла да хлеб с примесью картофельной шелухи, тертой свеклы, брюквы и другой дряни. В деревне осталось шесть хибарок на курьих ножках и три мужика...»

Остается добавить, что демобилизовался майор Иван Григорьевич Золотарев через два года и вернулся в школу города Иваново, где преподавал

литературу и историю. Затем он стал директором школы, где и трудился до 1973 года.

Его сестра, Ольга Григорьевна Климова, приехала из эвакуации в Магнитогорск. На мужа Андрея, призванного на фронт в августе сорок первого, она получила извещение: «Без вести пропал в мае 1943 года под Ельней...»